

Глава I

Петербургское небо особенное.

Даже летом оно может стать свинцово-серым, нависнуть, прижать к земле, окутать пеленой без дождя.

А может при ледяном ветре оставаться ярко-голубым без единого облачка, с пронзительной глубиной, так и зовущей взмахнуть крыльями и улететь вверх.

В тот день небо было ослепительно синим. Сирень уже отцвела, а скульптура императрицы Екатерины надежно пряталась за зеленью деревьев Катькиного садика, мимо которого спешили две девушки.

Младшая, совсем юная, вдохнула полной грудью и восторженно воскликнула:

— Хорошо-то как!

Вторая снисходительно кивнула:

— Да, сегодня тепло...

Легкая походка и прямые спины выдавали в них балерин.

Так и было, старшая из сестер Кшесинских, Юлия, год назад закончила учебу и танцевала в кордебалете Императорского Мариинского театра, а двенадцатилетняя Матильда пока скучала на занятиях в Императорском театральном училище. Семья Кшесинских вообще «балетная», их отец Феликс Иванович — знаме-

нитый танцовщик, исполнивший все главные мужские партии в спектаклях Мариинки, когда-то танцевала их мать, танцевал и брат Иосиф, только что окончивший училище.

Именно к Иосифу в здание училища на Театральной улице спешили сестры, чтобы вместе отправиться на любимую всей семьей дачу в небольшом поместье Красницы.

Девушки опаздывали, но перед Александринским театром пришлось остановиться, пропуская кареты. Что-то задержало выезд на Невский, и один из экипажей остановился рядом с балеринами. Это длилось совсем недолго — меньше полминуты, но Матильда успела рассмотреть девочку, сидевшую в открытом экипаже.

Кшесинскую поразило серьезное выражение лица девочки. Строгие синие глаза бесстрастно изучали юную балерину. Эти глаза были взрослыми, словно юная особа знала все о несовершенстве мира и потому грустила.

Маля подумала, что девочка, наверное, совсем не умеет улыбаться.

Сидевшая рядом с синеглазкой красавица что-то сказала по-английски, девочка повернулась к ней, отвечая. В это время Юлия решила пробежать между экипажами, чтобы не ждать дольше, и потянула Матильду за собой. Сестры Кшесинские уже обогнули коляску, когда, обернувшись, Маля увидела, что грустная девочка осуждающе смотрит на них. Матильду это возмутило, и она неожиданно скорчила зазнайке обидную гримасу:

— Бэ-э...

Та презрительно поморщилась в ответ.

Коляска тронулась, но обе девочки еще раз оглянулись друг на дружку.

— Кто это?

Юлия пожала плечами так, словно сестра сморозила глупость.

— Ты что, не видишь, как они похожи?

— Кто с кем?

— Елизавета Федоровна с младшей сестрой.

Малю недовольство сестры не смутило, она продолжила расспрашивать:

— А кто такая Елизавета Федоровна?

— О господи! Вот что значит не видеть ничего, кроме своего класса и дачи. Елизавета Федоровна — невеста великого князя Сергея Александровича. Скоро свадьба. Вместе с невестой приехала и ее сестра Алиса. Они — принцессы Гессенские.

Синеглазая девочка принцесса...

— Какая она грустная. Не знаешь, почему?

Юлия знала все обо всем:

— Во-первых, они сироты.

— Совсем-совсем?! — ахнула Маля.

— Нет, мать умерла. Я слышала, что эта Аликс живет у своей бабушки — королевы Виктории в Лондоне.

Она еще и внучка английской королевы! Потому такая зазнайка. Было бы отчего зазнаваться, Маля тоже кое-что слышала, например, что английская королева стара и скучна.

Юлия продолжила откровенничать:

— Маша говорила, что их замуж никто не возьмет, у них кровь дурная. Дети будут больные. Или совсем не будет.

Маля усомнилась:

— Но ведь Елизавета Федоровна выходит за великого князя?

Юля чуть подумала и махнула рукой:

— Наверное, ему дети не нужны.

Сестры уже дошли до здания училища, где их ждал брат Иосиф.

Весь оставшийся день Маля была непривычно тиха и задумчива, отец даже поинтересовался, не заболела ли.

— Нет, папá. Сегодня мы видели принцессу, которую никто не возьмет замуж, у нее кровь дурная. Поэтому принцесса грустная.

— Что за принцесса?

— Гессенская. Сестра невесты великого князя Сергея Александровича.

— Не болтай глупостей и Юлии скажи, чтобы не болтала. Принцессы обе здоровы, а грустные потому, что одни в чужой стране.

Отцу Маля верила даже больше, чем сестре, потому перестала переживать, но забыть серьезную синеглазую принцессу-сиротку не могла долго. И правильно, что ее не возьмут замуж, уж слишком зазнается. Принцесса!.. И ничего в этом хорошего нет.

Матильда не подозревала, что судьба еще столкнет ее с грустной синеглазой Алисой Гессенской, причем так, что будут зависеть друг от друга.

И Аликс Гессенская, в будущем Александра Федоровна, тоже запомнила жгучие темные глаза грациозной девочки.

По своему положению принцесса и балерина страшно далеки друг от дружки, но был один человек, который свяжет их судьбы — Ники, цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II.

И если Матильда видела наследника престола лишь издали, то Аликс уже познакомилась с шестнадцатилетним Ники и успела влюбиться в него. А он в нее.

Юлия Кшесинская права — Гессенская принцесса приехала в Петербург на свадьбу своей сестры Эллы, в России ставшей Елизаветой Федоровной, с младшим братом императора великим князем Сергеем Александровичем. Сестры, несмотря на шесть лет разницы в возрасте, были дружны нежной дружбой, поверяли одна другой сердечные тайны и маленькие секреты и не могли жить в разлуке.

В семье великого герцога Гессенского и Рейнского именно у четвертой дочери Алисы было прозвище «Sunny» — «Солнышко», данное их бабушкой, английской королевой Викторией. Прозвище тем удивительней, что никаким солнышком и даже его лучиком серьезная девочка, на лице которой никто не видел улыбки, не казалась. Скорее уж таковой была Элла.

Елизавету приняли в Петербурге с восторгом, она нравилась всем — улыбчивая, забавно коверкающая русские слова, но умеющая посмеяться над собой, Элла Гессенская была солнышком в непредсказуемом петербургском небе и пришлось по душе императору и императрице, в отличие от своей младшей сестры.

Но младшая Гессенская принцесса мало волновала венценосную семью и двор, в свои двенадцать лет она не была ни для кого интересной партией. Это невеста «из последних», когда уже нет никаких других — даром что внучка английской королевы, но за Аликс не стояло ничего, бедная родственница, не больше. Гессенское герцогство никогда не было богатым и мало что значило, с одной принцессой уже породнились, этого достаточно. А что у младшей глаза синие... так мало ли на свете красивых глаз?

Ко всему примешивались неприятные слухи, о которых сплетничала подруга Юлии Кшесинской: принцес-

сы Гессенского рода — носительницы страшной болезни гемофилии. Далеко не все понимали, что это такое, но поговаривали, что дети, рожденные такими женщинами, умирают либо в младенчестве, либо чуть позже, ведь любое кровотечение у них очень трудно остановить. Малейшая царапина может оказаться смертельной, не говоря уж о ране. Так умер брат Аликс и Эллы — выпал из окна и там, где другой ребенок отделался бы синяком, скончался в страшных мучениях.

Однако Сергея Александровича это не смутило?

И здесь Юлия Кшесинская была права — великому князю не нужны дети и женщины, которые детей могли родить, он предпочитал мужчин. С Эллой-Елизаветой у Сергея Александровича сложились прекрасные... дружеские отношения, не более того, ни больных, ни здоровых детей у пары не было.

Младшая сестра с первой минуты пребывания в Петербурге не спускала глаз с цесаревича Николая. Аликс влюбилась сразу и бесповоротно... И это страшно не понравилось императрице, Марии Федоровне была неприятна девочка, красивые черты лица которой никогда не освещала улыбка. Но переживать из-за возможности увидеть такую буку, которую Мария Федоровна сразу обозвала «этой немкой» и «гессенской мухой» и никак иначе после не называла, своей невесткой не стоило, наследник слишком молод, чтобы задумываться о браке.

Девочка казалась настойчивой и добилась внимания цесаревича, не просто внимания, но признания в сердечной привязанности.

И все равно мать только посмеялась, юношеская влюбленность ничем не грозит.

Мария Федоровна недооценила Аликс Гессенскую, серьезная синеглазая принцесса твердо решила, что цесаревич Николай будет принадлежать только ей, и настойчиво писала юноше, получая в ответ письма, полные любви. Аликс умела внушать свою волю, особенно мягкому и впечатлительному Ники.

Но идея сделать Аликс женой наследника пришлась по душе Елизавете Федоровне, она постоянно напоминала Николаю о сестре, дарила фотографии Аликс, передавала приветы и какие-то памятные записочки, подерживая уверенность, что они с Аликс влюблены друг в друга независимо от неудовольствия родителей.

Матери у Аликс не было, умерла давно, а отец против замужества младшей из дочерей с российским цесаревичем отнюдь не возражал, но Елизавета убеждала Николая, что Аликс героически противостоит недовольству родни, что на все готова ради любви к своему Ники. Отчасти это было правдой — брака любимой внучки с наследником российского престола не желала ее «главная» родственница — королева Виктория, но тогда, в 1884 году, до такого противостояния было еще далеко.

Мария Федоровна поняла, насколько сильна атака на старшего сына со стороны сестер Гессенских, только когда Елизавета открыто заговорила о возможности брака Николая и Аликс. В ответ прозвучало резкое: «Нет!» — императрица и император были единодушны и тверды в своем отказе. И дело не в том, что юная принцесса не умела улыбаться, о том, что она возможная носительница гена гемофилии, знали не одни болтливые кумушки.

— Саша, поговори с Ники. Мне кажется, он не представляет опасности.

Император вздохнул, ему вовсе не хотелось беседовать со старшим сыном на такую тему, но Минни права, придется.

Никто не знал, каким был этот разговор, объяснили ли Александр Александрович сыну, что подвергать опасности будущее империи, выбирая себе в жены носительницу страшного гена, тот не имеет права, просто ли сказал о своем несогласии с подобным браком, но Николай остался при своем:

— Я люблю Аликс, и больше никого.

Александр Александрович успокоил супругу:

— Ничего, повзрослеет, забудет эту немку. А пока мы подыщем ему другие увлечения. Повзрослел, пора не только портрет немки разглядывать.

Мария Федоровна беззаботности супруга не разделяла, но согласилась подождать, надеясь, что юношеское увлечение старшего сына все же пройдет.

В небольшом имении Красницы, что в шестидесяти верстах от Петербурга по Варшавской дороге, у Кшесинских готовился праздник — день рождения отцовской любимицы Мали. Младшей из девяти детей Кшесинских с днем рождения повезло — он 19 августа, в лучшее летнее время. Феликс Иванович обычно устраивал пир на весь мир с приглашением не только гостей из Санкт-Петербурга, но и дачников, и крестьян из соседних деревень. Вечером обязательный фейерверк, на который Кшесинский был большой мастер, обильнейший ужин, опять же в исполнении самого Феликса Ивановича, множество сюрпризов и розыгрышей.

Праздник ждали все вокруг.

Поздравив дочь с самого утра, Феликс Иванович, однако, не забыл напомнить:

— Маля, даже день рождения не отменяет урока.

Двенадцатилетняя Матильда поморщилась:

— Но папа... мне скучно. Сколько можно выполнять одни и те же движения?

Взгляд обожавшего дочь Кшесинского стал твердым.

— Столько, сколько нужно. Пока ты занимаешься балетом, ты будешь ежедневно их выполнять.

— Зачем, чтобы потом, как Юля, стоять в кордебалете?

— Если не станешь выполнять урок, то и в кордебалет не попадешь.

Услышавшая обидные слова младшей сестры, Юлия фыркнула:

— Она мечтает стать примой-ассолютой.

— А иначе зачем идти на сцену? — парировала сестренка. — Но я не буду танцевать, я выйду замуж за принца и буду наслаждаться жизнью.

— Маля?! — буквально взвыл Кшесинский. — Разве этому я тебя учил? А ну марш выполнять урок! Сегодня в два раза больше, чем обычно.

— Но папа, у меня день рождения, — возмутилась теперь уже Матильда, но разгневанный отец остался неумолим:

— Не сделаешь — никакого фейерверка вечером.

Глядя вслед понуро бредущей вверх в комнату, где закреплена репетиционная палка, Мале, Юлия успокоила отца:

— Это пройдет. Просто она еще маленькая.

— Я знаю, — вздохнул Феликс Иванович. — Но Мале скучно в училище, как бы ее заинтересовать балетом по-настоящему?

— Стоит ли, папа? Она не самая стройная, и выворот у нее обычный, и подъем тоже.

Отец понимал, что старшая дочь просто ревнует его к младшей, и попытался объяснить:

— Юля, выворот можно разработать, подъем у Мали хорош, тут ты не права. Но у нее есть самое ценное — чувство музыки и ритма, и еще упрямство, без которого, сама знаешь, в нашем деле никуда.

Феликс Кшесинский знал, о чем говорил, он уже много лет был ведущим танцовщиком Императорского театра, лучшим исполнителем мазурки, ради которого даже великий Мариус Петипа ставил балетные вариации. А уж сколько ролей!.

Дети Феликса Ивановича стали танцовщиками, вернее, Юлия окончила училище на Театральной улице год назад, Иосиф только что, а младшая строптивая Матильда пока училась. Девочке и впрямь скучно в классе, она все давно освоила дома вместе со старшими сестрой и братом. А если Мале скучно...

И все-таки что-то подсказывало Кшесинскому, что младшая дочь непременно станет великой балериной.

Глава II

В Севастополе сначала в порту, а затем на железнодорожном вокзале переполох — императорская семья в полном составе возвращалась с Кавказа. В городе надежно спрятаны все, кому попадаться на глаза Александру III нельзя, превентивно посажены под арест местные бунтари и пьяницы, перебиты даже бродячие кошки и собаки. По набережным прогуливались исключительно офицеры в белых парадных кителях под ручку с дамами в элегантных платьях, для чего пришлось задействовать актрис и весь гардероб местного театра. Город готов к пребыванию, пусть и краткосрочному, императорской семьи.

Император с цесаревичем побывали на нескольких кораблях Черноморского флота, пообедали с турецким послом, посетили Морское собрание и, наконец, отправились на вокзал, чтобы присоединиться к императрице и остальным членам семьи и покинуть гостеприимный Севастополь. Хотелось домой...

Как в гостях ни хорошо, а дома лучше. Все соскучились по родным стенам, по своей Гатчине, по Аничкову дворцу, даже по осенней питерской непогоде. Впечатлений было море, делиться ими в письмах устали, скорей бы вернуться в Петербург и все рассказать и показать.

